

М.А. Дмитриев, Москва
С.В. Зверев, к.и.н., Москва

ЧУВАШСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ МОНЕТОВИДНЫЕ ЗНАКИ XIX - НАЧАЛА XX в.

Использование монет для религиозных церемоний и жертвоприношений известно с глубокой древности.¹ Со временем в ряде стран для этой цели стали изготавливать особые храмовые монеты. Они до сих пор находят применение в Китае, Корее, Индонезии, Индии и других странах Азии.²

На территории нашей страны так же был обнаружен аналог храмовых монет, а именно подражания монетам, использовавшиеся народами Поволжья (в частности – чувашами) в культовых целях до начала XX в. Для России эта область нумизматики предметно рассматривается впервые.

Традиционная религия чувашей представляет собой сложную систему верований и в своей основе является разновидностью зороастризма, но сохраняет немало древних элементов, связанных с почитанием сил Природы. Для неё характерен дуализм: верховному богу Сюльде Туре и другим богам, выражающим доброе начало, противопоставит бог зла Шуйтан (у татар соответственно – Шайтан – Сатана). Верховного бога Сюльде Туре, который управляет миром, окружают другие добрые боги, рангом ниже его, такие как Кепе, ведающий судьбами людей, Пихампар, дающий людям их характеры и способности, а также покровительствующий домашнему скоту, Пирешти, охраняющий людей от бед и др.³ Следует отметить, что пантеон чувашских богов во многом воспроизводит структуру золотоордынского ханского двора. В услужении Сюльде Туре находились божества, имена которых воспроизводили названия золотоордынских чиновников: Тавам ыра – добрый дух, заседающий в диване (палате), Тавам сюретекен – дух, ведающий делами дивана, далее – страж, кравчий и т.п. С распространением православия «Бог русских» также был включен в состав традиционных богов, но как враждебная и пугающая сила.

В перечне злых богов, независимых от Сюльде Туре, после дьявола – Шуйтана, видное место занимает Киреметь (Керемет). Его культ имеет широкое бытование в Поволжье и Приуралье у марийцев, удмуртов, башкир, чувашей.⁴ По поверьям чувашей у Сюльде Туре был сын Киреметь, прекрасный юноша, приносящий людям плодородие и богатство. Но люди, подстрекаемые Шуйтаном, убили его, сожгли тело, а прах развеяли по ветру. Там, где прах опустился на землю, появились враждебные людям злые божества – «киремети». Они приносят беды, неурожай, болезни и откупиться можно только различными обрядами и жертвами.

Многозначное слово «киреть» является не только общим обозначением божеств, но также означало само священное место – гору, родник, дерево и т.п. Каждая деревня имела в округе несколько киретей, но устраивался и общий киреть для нескольких селений, который у русских получил название «соборный». Обычно у чувашей киреть имеет прямоугольную ограду, с воротами на запад, с трехстенной постройкой - святилищем внутри. Восточная сторона оставалась открытой. Внутри помещался жертвенник и стол для разделки жертвенных животных.⁵

Эта жертва у чувашей имела откупной характер: человек как бы откупался от козней злого духа. У северных чувашей она состояла из следующих частей: большая миска каши и для каждого киретя по два хлебца, девять маленьких лепешек (сверху намазанных медом), девять жертвенных монеток («мамале», или «мамалая»), девять восковых свечей и девять фигурок коня из теста. В. Сбоев еще в середине XIX в. описал обычай чувашей приносить в киретю жертвенные деньги и класть их в дупло одного или нескольких деревьев стоящих там деревьев или в специально устроенный ящик.⁶ Таким образом, на киретях формировались культовые безвозвратныеклады длительного накопления.

По свидетельству Д. Мессароша, описывающего чувашские верования на начало XX века, в более раннее время для жертвы киретям использовались жестяные монетки, называемые «деньгами аргамака». Так же для жертвы доброй богине, целительнице Йерех использовали специальные монеты – «нохрат» или «нухрат», которые нанизывали на нитку и вешали на перевернутую метлу, которая затем выставляли в качестве алтара с жертвенными монетами.

В. Магницкий в исследовании о происхождении некоторых кладов Вятской губернии также указал, что чувашаи часто оставляют монеты в киретях у корней кереветов и в дуплах. При этом монеты должны были быть неповрежденными и без отверстий. Но исследователь отметил, что для жертвы чувашаи «подлинную монету давно уже заменяют продаваемыми на базарах специально для них разной величины жестянками, вырезанными из листов белой и жёлтой жести и долженствующими в глазах предков соответствовать серебру и золоту, а также отличными из олова; из них первые известны у чуваш под именем «нохрат» и вторые «тухлан».⁸

Видимо в церемониях особое значение имела старая монета. В. Магницкий особо отметил, что оставляя жертвенную монету чуваш говорил, что он принёс «кюве кюмоль нохрат» - старую серебряную монету.⁹ В той же Вятской губернии у вотяков (удмуртов) Сарапульского уезда отмечен обычай оставлять при молениях на киретях денежные жертвы, поступающие в пользу жрецов. «Для этого вотьяк запасается нарочно медными деньгами старой чеканки, крупными, чтобы было если не ценно, то тяжело – маленький обман своего бога».¹⁰ Следует отметить, что при изучении расположенного в этом регионе культового памятника около д. Гавриловки, недалеко от Воткинска, были обнаружены медные русские

монеты – полушка 1737 г. и денга 1748 г.¹¹ Таким образом, для XVIII – начала XX в. для Вятской губернии следует выделить особое значение старых монет в качестве жертвенных денег на киреметях.

Интересно установить, как выглядели чувашские культовые «деньги аргмака». Название «деньги аргмака» хорошо подходит проволочным копейкам XVI – XVII вв. с изображением всадника на лицевой стороне и надписью с именем и титулом государя на обороте. Задача осложняется тем, что у народов Поволжья было широко распространено использование в качестве украшения, кроме монет, так называемых «мордовок» – монетовидных подражаний из серебра, меди и недорогих сплавов с различными изображениями на лицевой стороне и нечитаемым набором русских букв на обороте, по примеру царских копеек. Возможно некоторые ранние мордовки конца XV – середины XVI в. были подражательными монетами Казанского ханства.¹² Производство мордовок сохранялось очень долго. Нередко моделями для новых подражаний становились старые «мордовки». После введения в России в начале XVIII в. золотых, серебряных и медных монет европейского образца постепенно объектом подражаний стали крупные серебряные монеты и даже медали с императорскими портретами, а также разменные серебряные монеты с изображением двуглавого орла. Крупными центрами производства таких имитаций стали Алатырь, Казань и с. Рыбная Слобода недалеко от Казани.¹³ Поздние мордовки производились как нашивные украшения, но они также могли использоваться наряду со старинными монетами в качестве жертвенных денег. Во время этнографической экспедиции Б.М. Соколова в 1920 г. в Саратовской губернии на мордовских и чувашских киреметях было собрано много мордовок.¹⁴ Также отмечена находка в 1913 г. в округе с. Большая Фёдоровка Вольского уезда Саратовской губернии клада из 23 фунтов (более 9,4 кг) мордовок в дупле дерева в лесу. В этом же кладе находилась монета с крымской тамгой.¹⁵

В ходе сбора материала для исследования были обработаны найденные в Чувашии три комплекса монетовидных подражаний, происходящие со старых киреметей, из районов Алатыря и Ядрина. Первый комплекс из окрестностей г. Ядрин (село Порецкое) включал 109 крупных (весом 10-20 г, диаметром 25-30 мм) свинцовых монетовидных знаков, весьма схематично повторявших российские монеты. Из всех вариантов оформления можно выделить наиболее характерные типы. Значительную группу составляют различные литые подражания рублевикам Петра I или Павла I с крестовидной монограммой (рис. 1, а-д). Другие свинцовые кружки отражают облик рублевиков первой половины XIX в. и несут изображения двуглавых орлов с поднятыми или опущенными крыльями (рис. 1, ж-з). Некоторые литые монеты несут изображение креста, которое уже не напоминает императорский вензель (Рис. 2, а-г) Интересны экземпляры с изображением, продавленным настоящими монетами. Один кружок продавлен с двух сторон монетами номиналом 3 копейки 1871 и 1875 гг. (Рис. 2, д), другой – двумя монетами номиналом 5 копеек 1878 и 1881 гг. (рис. 2, е).

На третьем свинцовом кружке продавлено изображение орла с опущенными крыльями с настоящей рублёвой монеты 1831 г. на отлитую основу с крестом (рис. 2, ж). Одна из монет является литой копией пробитого рублёвика 1831 (или 1834) г. (рис. 2, з). В комплексе также были две свинцовые копии монет номиналом 20 копеек (рис. 2, д-е). Моделью для одной послужила монета 1832-1841 гг.¹⁶, для другой – монета 1867-1878 гг.¹⁷ На отливках четко видны отметины, оставленные при создании форм уже пробитыми монетами.

Все монеты комплекса являются специальными культовыми, «храмовыми» монетами, не предназначенными для использования в качестве нашивок. Крупные невзрачные свинцовые бляшки весом 11-18 г вряд ли могли служить для этой цели. Наряду с заимствованными с монет изображениями при оформлении чувашских храмовых монет можно проследить параллели с древнейшим искусством финно-угорских народов. Солярные знаки в виде крестов в обрамлении растительным орнаментом до сих пор остаются важным элементом прикладного искусства чувашей. Подобные изображения можно найти на резных ковшах, столбах ворот, ставнях.¹⁸

Из района г. Алатырь происходят два комплекса подражаний. Один включал 28 счетных жетонов XV – XIX вв. и 60 монетовидных подражаний и мордовок. Подражания можно условно разделить на три группы: свинцовые монеты, подражающие русским проволочным копейкам (20 экз.), свинцовые монеты, подражающие русским мелким серебряным монетам XIX в. (21 экз.), а также жестяные и свинцовые монеты с неясными изображениями (19 экз.). Свинцовые подражания проволочным копейкам несут на лицевой стороне изображение всадника с копьём и кириллическую нечитаемую надпись в несколько строк на обороте (Рис. 3, а-б). Подражания русским мелким серебряным монетам воспроизводят только оборотную сторону, а вместо орла помещён набор черточек (Рис.3, в-е). Жестяные и свинцовые подражания с неясными изображениями представляют собой крохотные пластинки весом 0,1–0,3 г (Рис.3, ж-к). Лишь некоторые из них являются нашивными украшениями – мордовками, которые лишь по воле случая были использованы в религиозных церемониях на киреметях. Небольшие овальные свинцовые бляшки с грубым изображением всадника и нечитаемым набором русских букв являются поздними имитациями царских копеек и видимо были сделаны специально для жертвы «старой монеты».

Нюрнбергские жетоны в основном с отверстиями, не пробитых только 5 экз. Жетоны могли использоваться и как украшения и как культовые монеты наравне с мордовками. Самыми старшими являются французский жетон с дельфином, изготовленный в начале XV в. (рис. 4, а) и нюрнбергский жетон первой половины XVI в. с изображением парусного корабля (рис. 4, б). Эти жетоны не пробиты и в качестве нашивных украшений явно не служили. Следует учитывать, что при использовании жетонов по назначению, для наглядного счисления на линиях, их «срок жизни» был не слишком

долгим. Видимо счётные жетоны были использованы чувашами для денежной жертвы на киремети уже вскоре после их привоза в Поволжье, ещё в период существования Казанского ханства. Сама находка этих жетонов на территории Чувашии является интересным свидетельством торговых связей XV-XVI вв.

Некоторые из более поздних нюрнбергских жетонов, найденных в составе этого комплекса, имеют аналоги среди археологических находок в Сибири. В составе алатырской находки имеются два жетона Ганса Краувинкля (1586-1634) с изображением мужчины в каске с чешуйчатым ремнем на лицевой стороне и державой на обороте (рис. 4, в-г). Такие же счётные жетоны были обнаружены на острове Фаддея у восточного берега Таймыра, среди имущества погибших русских полярных мореходов времени Михаила Фёдоровича.¹⁹ Другой жетон работы Вольфа Лауффера (1612-1631) с изображением чередующихся трёх лилий и трех корон вокруг розетки на лицевой стороне и державы на обороте (рис. 4, д) весьма близок по типу жетону этого же мастера, который был найден в 1946 г. в курганном могильнике на Чулыме в Томской области.²⁰

Также «близнеца» в Сибири имеет нюрнбергский жетон весьма плохой сохранности, который опознаётся лишь по деталям изображения. Он является вольной копией медали времени Анны Иоанновны в память победы над турками и татарами под Азовом в 1736 г. работы Вестнера. Аналогичный жетон имеется в коллекции Томского музея и также происходит из раскопок.²¹ Возможно отмеченные на жетоне ещё неразгаданные нумизматами инициалы «M.L.» следует отнести к мастеру Михелю Лейкаффу, который работал в Нюрнберге в 1724-1768 гг.²²

Также в составе комплекса обнаружены жетоны XVII в. с портретом Людовика XIV работы Конрада Лауффера (1 экз.) и Корнелиуса Лауффера (5 экз.), жетон Вольфа Лауффера плохой сохранности, жетон Лазаря Готлиба Лауффера с портретами Вильгельма III Оранского и Марии II Стюарт, видимо сделанный в честь начала их правления в Англии в 1688 г. (Рис. 4, е). Видимо в конце XVII в. был сделан жетон с портретом императора Иосифа I и именем мастера Ганса Вейдингера.

Среди жетонов XVIII в. следует отметить жетоны с изображением парусного корабля работы Иоганна Якоба Детцля и Ганса Альбрехта Дорна, жетон с портретом Людовика XV работы Ганса Иеронима Гофмана (Рис. 4, з), жетон с изображением Луны и Солнца с именем Иоганна Христиана Рейха, а также два жетона плохо читаемыми надписями, один с изображением фонтана, другой с неясным портретом (Людовика XVI ?).

Жетоны XIX в. представлены 2 экз. без надписей с изображением Солнца в венке на одной стороне и Луны и звезд в венке на обороте, а также анэпиграфным жетоном с изображением женской головы и Солнца. Такие жетоны часто использовали уже в качестве фишек при карточной игре.

Несколько особняком стоит брактеат с изображением квадрата в кресте, который видимо был изготовлен в Поволжье местным ремесленником.

От другого комплекса, найденного недалеко от Алатыря, сохранилась лишь шесть свинцовых подражаний и один нюрнбергский жетон мастера Ганса Крауфвинкля с изображением чередующихся трёх лилий и трех корон вокруг розетки на лицевой стороне и державы на обороте. Подражания имеют аналоги среди монет первого комплекса из-под Алатыря. Одна свинцовая монета является грубым подражанием мелкой серебряной монете 5 копеек XIX в., две круглых свинцовых монеты и три небольших овальных - имитации царских копеек XVI – XVII вв. По словам лица, получившего монеты от находчика, в составе клада было несколько десятков «таких же подражаний и несколько проржавевших жетонов». Не исключено, что оба комплекса являются частями одной находки на старинной киремети.

Выявленные культовые монетовидные знаки XIX – начала XX в. являются своеобразным отражением художественного восприятия российских монет чувашами – язычниками, которые давали свое «прочтение» изображениям и императорским вензелям, включали их в круг знакомых символов. Нужно отметить, что работа по изучению всевозможных подражаний и «храмовых» монет находится ещё только в стадии сбора материала и первичной систематизации. Возможность несколько пополнить сведения об этой стороне жизни и религиозных обрядах народов Поволжья делает желательным учет и дальнейшее изучение новых находок и в первую очередь кладовых комплексов с киреметей.

ПРИМЕЧАНИЯ

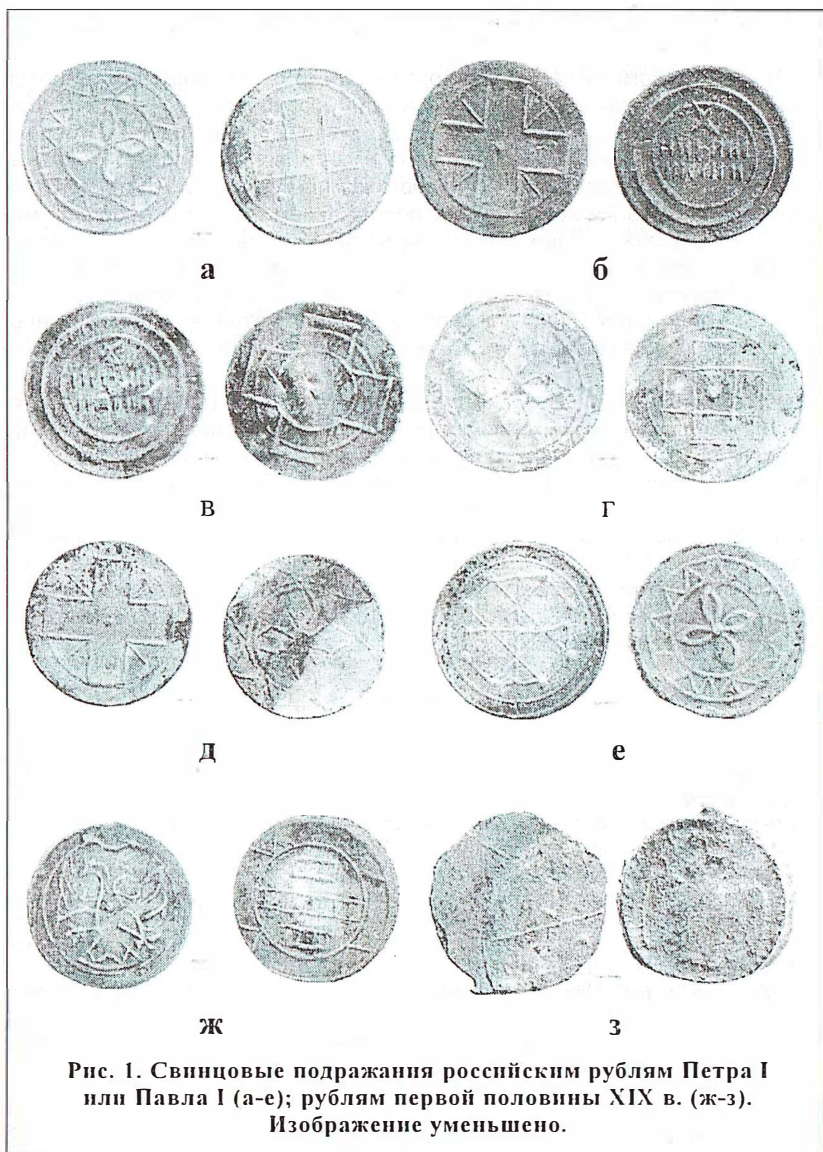
¹ История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М., 1951. Т. II. С. 61-62; *Потин В.М.* Монета в быту, обычаях и верованиях Руси X-XVII вв.// Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Сборник научных трудов. Л., 1982. С. 78-99; *Он же.* Монеты, клады, коллекции. СПб., 1993. С. 200-204.

² *Алексеев В.М.* Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в Нумизматическом отделении Императорского Эрмитажа. СПб., 1907; *Он же.* Описание китайских монетовидных амулетов и благожелательных медалей из коллекции Императорского Эрмитажа. СПб., 1912; *Cribb J.* Magic coins of Java, Bali and the Malay Peninsula. London, 1999.

³ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881; *Денисов П.В.* Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959; *Егоров Н.И.* Чувашская мифология// Культура чувашского края. Чебоксары, 1995; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры (1909). Пер. с венг. Чебоксары, 2000.

⁴ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 202.

⁵ *Мадуров Д.Ф.* Традиционное искусство и праздники Чувашей. Чебоксары, 2004. С. 15-17.

⁶ **Сбоев В.** Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1851. С. 90-91.

⁷ **Месарош Д.** Указ. соч.

⁸ **Магницкий В.** Клады из мелкой серебряной монеты в Вятской губернии// Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1905. Т. XVII. С. 138-139.

⁹ Там же.

¹⁰ **Кошурников В.** Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 22.

¹¹ **Останина Т.И.** Культурный памятник около деревни Гавриловки на реке Сиве (Воткинский район Удмуртской республики)// Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования: Сборник статей. Ижевск, 2004. С. 80.

¹² **Спасский И.Г.** Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки// Советская археология. М.-Л., 1954. Вып. XXI. С.189-238; **Зверев С.В.** Принципы формирования типов подражательных монет Казанского ханства// Советский коллекционер. М., 1991. № 28. С. 103-110.

¹³ **Катанов Н.Ф.** О предметах украшений татарских женщин// Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1908. Т. XXIII, Вып. 5. С. 12-15.

¹⁴ Сообщения Академии материальной культуры. Л., 1929. Т. II. С. 323, № 6.

¹⁵ Там же. № 8.

¹⁶ Такую датировку позволяют установить наличие под орлом инициалов «НГ», принадлежащих минцмейстеру Санкт-Петербургского монетного двора Н. Грачёву (1825-1841) и рисунком двуглавого орла, установленном на этом номинале в 1832 г. (см. **Уздеников В.В.** Монеты России 1700-1917. М., 1994. С. 127, 186, 628).

¹⁷ **Уздеников В.В.** Указ. соч. С. 141, 186, 628.

¹⁸ **Мадуров Д.Ф.** Указ. соч. С. 54.

¹⁹ **Спасский И.Г.** Счётные жетоны// Исторический памятник русского арктического мореплавания. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.-М., 1951. С. 130-131.

²⁰ Там же. С. 135.

²¹ Там же. С. 137.

²² **Gebert-Nurnberg G.F. von.** Die Nurnberger Rechenpfennigschlager// Mitteilungen der Baureischen Numismatischen Gesellschaft. Jahrang 1917. Т. XXXV. Munchen, 1918. S. 102.